Π АМЯТЬ ВНОВЬ И ВНОВЬ ВОЗВРАЩАЕТ МНЕ ЕГО ГЛУХОВАТЫЙ ГОЛОС И ЗОРКИЙ ВЗГЛЯД СВЕТЛО-ГОЛУБЫХ, БУДТО ВЫЦВЕТАЮЩИХ С КАЖДЫМ ГОДОМ ГЛАЗ.

Знаю, что облик Александра Васильевича Евтихиева жив не только в па-

МЯТИ САМЫХ БЛИЗКИХ ЛЮДЕЙ, СЛИШКОМ ЯРОК И СВОБОДЕН, СЛИШКОМ ОТКРЫТ И ПРИНЦИПИАЛЕН БЫЛ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, ХОРОШИЙ И ЧЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК.

Есть люди, обладающие абсолютным музыкальным слухом, он обладал абсолютным художественным зрением и вкусом. Мастер с высокой творческой душой, он испытывал радостное удивление, ликование до слёз при виде совершенно-

го творения природы или великого художественного шедевра. (Одергивает мысль о затертости многих слов - «великий», «шедевр», - мы уже почти забыли о под-

линном их значении.) При нем невозможно было банальное высказывание «про искусство» или расхожая похвала серости.

Ему ничего не стоило раздать людям и кинуть в один час миллионы душевных сокровищ, так же как работать по двадцать часов в сутки, согнувшись над офортной доской.

Офорт был его стихией. Щедрая способность офорта к разностороннему постижению и освоению мира ярко демонстрируется в работах Евтихиева. Научился

и полюбил офорт в Академии художеств, институте им. И.Е. Репина в Ленинграде.

С любовью и признательностью всегда

вспоминал своих учителей В.М. Звонцова,

владевшего всеми известными техниками офорта, и М.А. Таранова, который, в свою очередь, был учеником И.Я. Билибина.

Любил и чувствовал природу, но зная, как мало одной этой любви для осуществления творческого замысла, всю жизнь

щая превосходным пониманием тайн материала. Необычайное богатство штриха, точность и тонкость рисунка характер-

целого ряда его офортов - «Сумерки», «Хозяин тайги», «Зимка», - казалось бы,

учился добиваться свободного владения средствами черно-белой графики, восхи-

ны для его графических серий «Томск. Зима», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Костры горящие». Специалисты отмечали удивительную живописность

совсем не свойственную графике. Он был хорошим рисовальщиком, мог в одной линии дать великолепную схему, кроме того, он искал эту линию – сжатую, схематизированную, что в едином росчерке смогла бы вместить ту сумму пси-

хологических знаний и настроений, которыми сам был так богат. Тонко, как мало кто даже из художников, чувствовал красоту, его офорты богатые гибкими живыми движениями,

его мира – последних льдинок на реке и первого снега, цветущей вербы и осенних опавших листьев. В самой маленькой «почеркушке» отражается настроение, которое переполняло самого художника.

кажется, зримо источают ароматы Божь-

открытиями. Был почти болезненно честен и прямо-

Он всякий раз щедро делится своими пе-

реживаниями, своими наблюдениями и

душен, лишен зачатков мало-мальской

случае. Сам же, в живописи и графике, прежде чем создать что-то, прослеживал все формы натуры, до тонкостей изучал её и лишь тогда изображал то, что вскрылось только ему под внешним обликом этой натуры. Именно потому при взгляде на его работы всегда кажется, что всё это ты уже видел, прямо отсюда смотрел на эти томские домики, на этот тальник на ветру, столь всё знакомо и близко сердцу, только вот забыто за суетной будничностью дел. Ведь она живёт в душе каждого человека непростая эта простота. Но проникает и подпускает к себе лишь «чистых сердцем». Счастлив художник, видящий мир в единстве, в истинном свете, подлинно таким, каким он есть – с ним или без него – и оставляющий нам красоту дня, раскрытую в самых простых вещах: в светлом зареве над туманным росистым полем, в тусклом свете дождевых струй, и в свете улыбки ребёнка, глядящего на высоко проплывающих птиц. Поражает свежесть его этюдов (в том числе и графических), кажется, что созданы они за считанные секунды, но за этой кажущейся импровизационностью кроется зрелое мастерство художника,

зить то или иное ощущение.

дипломатии: будучи в должности главно-

го художника Томска, участвуя в разных

выставкомах мог резко остановить мэ-

тров, не в меру распекавших «молодой талант», жестко и грубо выговорить лю-

бому за «халтуру» в работе, за поощрение

бездарности, выгодное в том или ином

Е.К. Лигачевым, что наши резные терема не просто гордость города, а памятники культуры мирового значения, что придёт время и мы, наконец, поймем, чем обладаем, увидим их в истинном свете. Вот тогда и замрем, заворожённые изысканным дворцовым строем лиственничных палат, и поклонимся земно нашим предкам. Время пришло.... Ничего почти не осталось от «томских деревянных узоров»... А в его папках хранятся сотни фотографий живых еще деревянных резных домов с изумительным декором. Снимки снабжены точными размерами всех объектов и адресными пометами не спящего сердца художника: «заделать дыру фронтона», «поправить наличник», «убрать с дерева белые пятна» и пр. В его бытность в 1978 году в Томске проводилось первое выездное заседание Министерства культуры по сохранению деревянного зодчества. Тогда же были созданы первые в России реставрационные мастерские по дереву – «Томскреставрация», появились первые проекты по восстановлению кварталов нашей деревянной застройки, представшей почти в целости восхищенным умеющего безошибочно управлять краспециалистам, родилась идея восстановсочными модуляциями, знающего, каким ления Томской деревянной крепости на мазком, каким движением резца выра-Воскресенской горе. Последняя из ежегодных его поездок Его искусство резонирует самым сона Север пришлась на позднюю осень, выкровенным чувствам и образам. Так пролившись в цикл графических работ «Вахисходит и с живописными работами, 78». И здесь он не изменил себе, остался освобождёнными от привычных реальпрежним анализирующим и внимательных категорий; в снежности бело-голубых ным мастером, крупной и мощной личномазков видится прекрасный мир, что-то стью с чёткой гражданской позицией. Ему тонко звенящее, навсегда неразрешёнбыла присуща та высокая духовность, ко-

ное, то прозрачные цветы, то лицо люби-

Еще с середины 1970-х, будучи в долж-

ности главного художника города, изо

всех сил пытался обратить внимание

и защитить томское «деревянное v3o-

рочье». Кричал, доказывал, задыхаясь, на всех официальных встречах, в разго-

ворах с первым секретарём обкома КПСС

мой женшины.

Однако Евтихиев прежде всего художник, чьё творчество – постоянное горение бурного темперамента и любви, стремление к наиболее простому и естественному, ясному изобразительному языку. житейского неизбежно выбрасывает нас на берег Вечности. Совсем скоро время сгонит нас с лица земли. Но куда?

Все слышу его голос. Он снова повторяет мне – неудержимый и суетный Бег

никуме.
В 1947— 1949 году учился в Самаркандском художественном училище у П.П. Бенькова.
Служба в рядах Советской Армии, 1950-1953 годы.
Учёба в Ташкентском республиканском институте имени П.П. Бенькова, 1953-1957 годы.
В 1957-1963 гг. учёба в Академии художеств, Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина у мастеров В.М. Звонцова и М.Ю. Таранова. Будучи студентом, с 1961 года преподавал на факультете графики.
В Томске с 1963 года.
Член Союза художников России с 1965 года.

Родился на станции Болотное Западно-Сибирской железной дороги

С 1944 по 1946 год учился в чимкентском горно-металлургическом тех-

Участник областных, зональных, республиканских, международных выставок с 1957 года.

Умер 16 сентября 1979 года.

Персональные: – Томск. 1965. 1978 (совместно с Ю.М. Павловым) – 1980 (посмертная).

торая оправдывает и ошибки человека и

4 июля 1929 года.

само его существование на земле.